

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 2000 г мы представляли 1-й том “Степей” в качестве сборника статей, ставя задачи на перспективу, то надежды на развитие серии связывали и с выходом монографий. Это осуществилось в 5 томе. Произошло данное знаковое событие благодаря интенсивной исследовательской деятельности киевского археолога А.В.Комара. Исследователь взял на себя инициативу по полноценному введению в научный оборот целого ряда давно раскопанных погребений раннесредневековых кочевников степной полосы Северного Причерноморья. Но основные его усилия в последние пять лет были сосредоточены на подготовке критического исследования по переосмыслению знаменитого перещепинского комплекса. Благодаря системному подходу и, главное, внушительному объему этот труд с полным правом можно считать монографическим. Это, в свою очередь, означает, что мы имеем в рамках нашего издания (сборника по определению) – монографию.

Из 6-ти работ, помещенных в данном томе, 4 представляют самостоятельные работы А.В.Комара, и только две выполнены в соавторстве с Р.С.Орловым и А.И.Кубышевым. Вклад последних в издание материалов по-своему немалый, несмотря даже на то, что А.И.Кубышева, этого опытнейшего, неутомимого археолога-полевика нет с нами уже 5 лет. Сложная история подготовки самой весомой из 5 публикационных работ сборника, в центре внимания которой оказалась во всех отношениях выразительное и давно известное специалистам погребение из Сивашовки, гораздо длиннее и насчитывает целых 20 лет. На их протяжении А.И.Кубышев, реально оценивая значение материалов для раннесредневековой номадистики, неоднократно обращался к разным исследователям, в т.ч. числе и зарубежным, пытаясь обеспечить материалам наиболее полный современный комментарий и достойную полиграфию. Но, наверно, символично, что реализовать этот проект удалось лишь совместными усилиями его коллег по Институту археологии: Р.С.Орлова, первым введшего рассматриваемые памятники в научный оборот, и А.В.Комара, к которому А.И.Кубышев обратился за помощью уже в последний год своей жизни.

Столь необычный по своей структуре том “Степей” открывается крупнейшей из помещенных в нем работ – углубленным анализом памятника, обнаруженного у с.Малая Перещепина. Перещепинский комплекс, больше известный в литературе как “клад”, со времени его обнаружения в 1912 г периодически привлекает внимание специалистов, а количество посвященных ему исследований неизменно возрастает. В 1996 г Ч.Балинт писал, что полное осмысление перещепинской находки еще впереди, и это реально может произойти только после публикации всего материала комплекса. Сегодня мы можем констатировать – эти два события произошли. Монография, исчерпывающе характеризующая памятник, благодаря коллективу сотрудников Эрмитажа, была издана в 1997 г, а новое аналитическое монографическое исследование, рассматривающее его в более широком контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в., помещено в этом томе.

Важность публикации представленных в сборнике материалов, их актуальность как нельзя лучше обосновал сам автор: “Ситуация, которая сложилась на сегодня в историографии в отношении истории и археологии кочевников Северного Причерноморья 2-й пол. VI – нач. VIII в., может показаться уникальной по своей запутанности: под вопросом относительная и абсолютная хронология, культурная, этническая и политическая принадлежность ключевых комплексов; серьезные разногласия вызывает и политическая история кочевников региона; не выяснена до конца роль местных и привнесенных кочевнических элементов в формировании культуры и т.д. Нечто похожее наблюдаем и в историографии начальных фаз истории Руси IX в., в археологии I и II Тюркских каганатов. Подобную ситуацию в науке обуславливает не только сложность предмета – обычно она соседствует с очень ограниченной базой источников, плохо или фрагментарно введенных в научный оборот, и поверхностным уровнем аналитических работ, предлагающих только концепции, но не вникающих «в детали». Сейчас явно не время новых обобщающих трудов – наука все еще переживает стадию нагромождения концепций, только «критическая масса» которых в состоянии завести, наконец, маховик отсеивания ненужного”.

Название монографии А.В.Комара начинается словами “Перещепинский комплекс”, где термин “комплекс” выглядит самым нейтральным из всех применяющихся в связи с анализом этого памятника. Спор о его типе в литературе идет преимущественно в рамках развернутой оппозиционной терминологической пары: “клад” – “вещи из погребения”. И нам показалось, что исследователи наконец-то сошлись в принятии нейтрального термина “комплекс”, одновременно примиряющего разные позиции и не отрицающего, в принципе, продолжения дискуссии. Однако наши предположения не оправдались. Позиция автора свидетельствует о том, что он является сторонником погребального происхождения комплекса. В этом нет ничего удивительного. Перещепинская находка представляет собой исключительно многочисленный,

разноплановый, богатый, престижный и, наконец (что наиболее важно), разный по культурному происхождению набор вещей, одним словом, уникальный комплекс. И даже если вещи происходят из погребения, то это отнюдь не мешает назвать его кладом, точнее, погребальным кладом вещей. При этом атрибутирование комплекса как обычного клада не исключает и того, что он был спрятан в связи с захоронением знатнейшего человека. Собственно развитию этой идеи в труде А.В.Комара уделено немало внимания. Но мы думаем, что актуальность данного вопроса, также как и проблемы датирования, социального статуса его владельца, определения культурной принадлежности набора вещей как цельного памятника и в дальнейшем не будут терять своего значения. Археологический источник, как и любой другой, при новом взгляде на него может давать новую информацию, поэтому в будущем следует ожидать новых оригинальных исследований перещепинского комплекса.

Идеи А.В.Комара видятся нам весьма привлекательными, а с учетом столь обширной доказательной базы, которая изложена на 238 страницах “монографической статьи”, смотрятся достаточно убедительно. Поэтому предложенная им новая терминология для переименования типологического статуса археологического объекта “перещепинский клад” на “напутственный комплекс”, а с точки зрения культурной атрибуции – на “комплекс келегейского типа”, выглядит оправданно и перспективно. Логичным выводом, основывающимся на мощной по глубине и широте аргументации, можно считать и отнесение исследователем перещепинского круга памятников к отдельному ритуалу, согласно которому, по А.В.Комару, “вместе с частью туши или “шкурой” взнузданного коня покойника в яму помещались его оружие, одежда, личные украшения и посуда для загробного пиршества. Делалось это втайне, место захоронения вещей пытались скрыть. Само же тело покойника переправляли в загробный мир другим ритуалом и в другом месте, т.е. наблюдается пространственное и временное разграничение двух ритуалов, связанных с погребением одного человека”.

Мы сочли необходимым привести слова исследователя о поставленных им задачах: “Определить предпосылки появления комплекса в контексте древнетюркских идеологических представлений; установить культурный контекст «варварской» группы предметов, ее хронологию; очертить возможные предпосылки появления «сасанидской» и «византийской» групп предметов в контексте общей событийной политической истории Восточной Европы VII в.; связать комплекс «перещепинского» правителя с культурой конкретной группы рядового кочевнического населения”. Также А.В.Комар предложил “четко разграничивать наблюдения, выводы и предположения, отдавая отчет в том, что наиболее ценной частью любой работы являются именно наблюдения, фиксирующие объективную взаимосвязь фактов”. На наш взгляд, исследователь интересно решил этот комплекс задач.

Одним из выводов монографии стало заключение, что проблема Перещепины и комплексов ее круга представляет собой лишь первую часть дуалистической системы перещепинской культуры. На втором ее полюсе находятся подкурганные погребения рядового населения, с 1985 г традиционно выделяемые в “тип Сивашовки”. Этот термин прочно вошел в научный обиход, несмотря на то, что и само п.2 к.3 Сивашовки, и целый ряд погребений его круга были опубликованы лишь частично, с суммарной характеристикой лишь наиболее аттрактивных вещей. Так, из 23 погребений, послуживших Р.С.Орлову основой для выделения сивашовского типа, на момент выхода работы были опубликованы лишь 5. Иными словами, спустя 20 лет после выделения культурного типа памятников, 14 из 24 его “опорных” погребений все еще остаются не введенными в научный оборот в полном объеме. Вполне очевидно, что первостепенную роль в сложившихся условиях источниковедческого дефицита приобретает публикация достоверных раннесредневековых кочевнических погребений, особенно эпонимного памятника – п.2 к.3 Сивашовки. Дополнение монографии публикационной частью, вводящей в научный оборот 10 погребений 2-й пол.VI – нач.VIII в., в значительной мере подсказали обстоятельства. Но именно в таком виде книга действительно охватила главные проблемы периода: соотношение памятников рядового населения типа Суханово с памятниками типа Сивашовки, а последних – с памятниками высшей знати круга Перещепины.

А.В.Евглевский

А.В.Комар выражает искреннюю признательность всем без исключения коллегам, чья научная или организационная помощь, консультации, разрешения ознакомиться с коллекциями, предоставление материалов, литературы или другая поддержка в той или иной мере способствовали появлению настоящей книги, особенно: А.И.Айбабину, Ч.Балинту, В.И.Баранову, С.Н.Братченко, А.В.Виноградову, И.А.Гавритухину, Ф.Дайму, А.В.Евглевскому, Н.А.Захаровой, М.М.Казанскому, Е.В.Круглову, З.А.Львовой, К.А.Михайлову, А.П.Моце, Е.Н.Нечаевой, С.А.Плетневой, О.М.Приходнюку(†), А.А.Савенко, А.В.Симоненко, Д.А.Сташенкову, М.Н.Стрихарю, О.В.Сухобокову, Р.В.Терпиловскому, Н.В.Хамайко, К.Цукерману, П.Штадлеру, О.А.Щегловой и др.